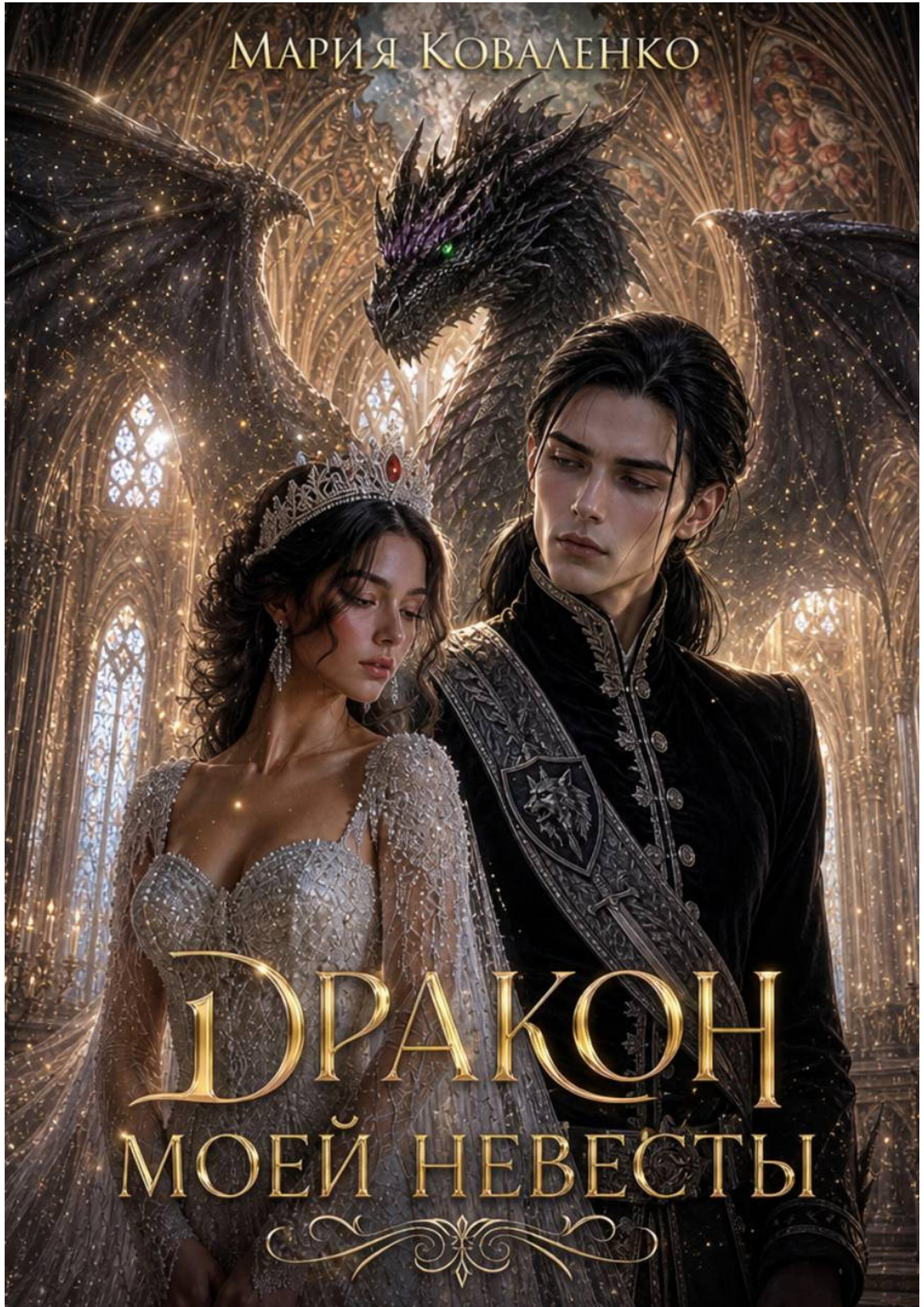

МАРИЯ КОВАЛЕНКО

ДРАКОН
МОЕЙ НЕВЕСТЫ

Мария Коваленко

Дракон моей невесты

«Автор»

2026

Коваленко М.

Дракон моей невесты / М. Коваленко — «Автор», 2026

Что, если дракон, похитивший принцессу, – это не страшное чудовище, а тот самый мужчина, которого она ждала всю жизнь? Три года назад принцессе Лиане нагадали, что она улетит с чудовищем. В тот момент такое предсказание звучало нелепо и смешно. Она и подумать не могла, что будет украдена драконом прямо со свадебной церемонии. Вместо логова зверя она находит гнездо на вершине мира, полное тайн, и слепого библиотекаря, хранящего историю древнего проклятия. Дракона проклял король-отец за любовь к бедной девушке. Так было написано в древних писаниях, так говорили древние сказания. Но так ли всё просто? Когда истина раскрывается, Лиана сталкивается с выбором: сможет ли она простить того, кто не может простить себя сам? Роман «Дракон моей невесты» – это захватывающая история о том, что настоящая любовь сильнее времени, вины и проклятий.

© Коваленко М., 2026

© Автор, 2026

Мария Коваленко

Дракон моей невесты

Глава 1

Глава 1. Свадьба без невесты

Королевство Эстель просыпалось в огненном венце. Утро выдалось тем особенным, хрупким утром, когда даже само солнце, казалось, наделало парадное одеяние из расплавленного золота и багрянца. Оно разлилось по небу тяжелыми, сочными мазками, словно художник, вдохновлённый чем-то великим, решил в последний раз коснуться кистью горизонта перед тем, как навсегда уйти в тень. И этот свет проникал всюду: зажёл тысячи искр в цветных витражах тронного зала, растекся лужами расплавленного света по холодному мрамору, окутал тончайшей позолотой каждую колонну, каждый резной завиток на алтарном возвышении.

Тронный зал собора Святого Пламени был построен так, чтобы даже в самый пасмурный день здесь царила иллюзия вечного лета. Двадцать четыре колонны из розового мрамора, каждая с позолоченной капителью в виде раскрывшегося цветка огненной лилии, вздымались к сводчатому потолку, расписанному фресками древних героев. Между колоннами висели гобелены, вытканые золотыми и алыми нитями. На них были изображены сцены из истории Эстели: как первый король приручил пламя, как великая жрица провела народ через пустыню, как драконы и люди заключили первый хрупкий союз. Последний гобелен, самый древний и самый выцветший, висел прямо за спиной священника, и на нём едва угадывался силуэт огромного чёрного змея, над которым склонялась женщина с короной из звёзд.

Лиана смотрела на этот гобелен уже добрых полчаса, пытаясь разглядеть в выцветших нитях ответ на вопрос, который она боялась задать даже самой себе: «Почему в нашем королевстве, где драконов истребляли веками, висит изображение женщины, которая их защищает?»

Она перевела взгляд на витраж над алтарём – огромное окно, занимающее всю стену от пола до потолка. На нём был изображён Феникс – древний символ Эстели. Птица, сгорающая дотла в ярко-алых языках пламени, и возрождающаяся из пепла с распростёртыми золотыми

крыльями. Стекло было настолько искусно выплавлено, что казалось, будто птица дышит, движется, живёт своей отдельной жизнью.

«Интересно, – подумала Лиана, – Фениксу страшно в момент, когда он становится пеплом? Или он знает, что после огня будут крылья?»

Тяжесть бриллиантовой диадемы давила на лоб, и каждое движение отдавалось тупой пульсирующей болью у висков. Она знала, что эта диадема весит почти килограмм – в ней было триста семь мелких бриллиантов, оправленных в белое золото, и один огромный рубин в центре, который, по легенде, хранил частицу магии первого короля. Рубин пульсировал слабым красным светом – так всегда бывало, когда носительница короны испытывала сильные эмоции.

– Ты прекрасна, – шепнула стоящая рядом Мира, поправляя длинный шлейф серебряного платья. – Как луна в день своего рождения.

Служанка Мира была единственным человеком во всём огромном соборе, чьё присутствие не давило на Лиану. Маленькая, с копной медовых кудрей и веснушками на носу, она казалась живой искоркой среди этого застывшего церемониального великолепия. Её платье – скромное, ситцевое, небесно-голубого цвета – выделялось на фоне бархата и парчи знати. И это почему-то успокаивало Лиану, как напоминание о том, что настоящая жизнь – там, где нет золота и бриллиантов, где пахнет свежим хлебом и утренним кофе.

– Ты дрожишь, – заметила Мира, поправляя кружевной воротник Лианы. – От холода или от страха?

– И то, и другое, – призналась Лиана, стараясь говорить тихо, чтобы никто из гостей не услышал. – Хотя в этом платье холодно быть не может. Ткань пропитана заклинанием тепла.

Она посмотрела на своё отражение в полированном золоте алтарного креста. Свадебное платье было настоящим произведением искусства – серебряная парча, расшитая тысячами крошечных жемчужин и кристаллов так, что при каждом движении по ткани пробегали волны света, словно по ночной глади озера. От плеч до самого пола струился полупрозрачный шлейф, на котором искусные вышивальщицы создали картину звёздного неба – и в этом небе одна звезда горела ярче всех, прямо над сердцем невесты.

Лиана знала, что работа над платьем заняла полгода. Ткань была привезена из Вердуса – королевства Земли, а кристаллы – из ледяных пещер Нордланда. Деньги, отданные за это платье, могли бы накормить небольшую деревню в течение десяти лет. Она знала всё это. И

каждая деталь, каждый стежок казались ей лишним витком той верёвки, которой её привязывали к алтарю.

Она перевела взгляд в дальний конец зала, туда, где на возвышении стоял пустой трон, обитый алым бархатом. Там должен был сидеть её отец – король Альберих Эстельский, Владыка Огня и Покровитель Юга. Но вместо короля зияла чёрная пустота. Огромное кресло, украшенное выкованными из чёрного серебра драконьими крыльями, выглядело осиротевшим и печальным.

Отец слёг три дня назад. Внезапно, без предупреждения, без видимых причин. Вечером он ещё шутил с придворными, пробовал вино из нового урожая и обсуждал с генералами планы укрепления южных границ. А утром лекари развели руками и сказали то, что никто не осмеливался произнести вслух: «Магия короля угасает. Природа не берёт своё – это яд».

Лиана сжала пальцы в кулаки под кружевными перчатками.

Яд.

Никто не знал, кто и как отравил короля. Но все знали, что Альдрику – её жениху – это выгодно. После свадьбы он становился регентом, а если король умрёт в ближайшие недели, Альдрик сядет на трон рядом с Лианой. Или вместо неё.

– Ты опять кусаешь губы, – прошептала Мира, незаметно касаясь её локтя. – Перестань. Ты сделаешь их бледными.

– Мне плевать на мои губы, – ответила Лиана, но губы разжала.

Стоящий справа от алтарного возвышения лорд Альдрик де Вос – её жених, её суженый, её клетка – заметил это движение и усмехнулся. Он стоял идеально прямо, как статуя работы лучшего скульптора Нордланда. Чёрный бархатный камзол сидел на нём безупречно, ни единой складки. Серебряная перевязь с гербом Волка и Кинжала – семейным гербом де Восов – блестела в лучах утреннего солнца. Длинные черные волосы были стянуты в низкий хвост, открывая высокий лоб и тонкие, аристократичные черты лица.

Альдрик был красив. Более того – он был той опасной, ледяной красоты, которая не согревает, а обжигает холодом. Бледная кожа, словно выточенная из слоновой кости, тонкие губы, сложенные в вежливую, но совершенно пустую улыбку. Глаза – серые, как зимнее небо,

в них не было ни тепла, ни жизни. Только расчёт. Только холодное, безжалостное спокойствие хищника, который знает, что его добыча уже в ловушке.

– Нервничаешь? – спросил он, и голос его прозвучал как скрежет клинка о ножны – резкий, металлический, без единой мягкой ноты.

– Это моя свадьба, – спокойно ответила Лиана, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Я должна нервничать. Это традиция.

Альдрик усмехнулся одними уголками губ. Эта усмешка не коснулась его глаз – как и все его эмоции.

– Ты всегда умела прятаться за словами. Это хорошо. Придворные любят загадки. Но к утру я разгадаю все твои.

Лиана отвернулась. Она не хотела, чтобы он видел, как её пальцы дрожат, как ногти впиваются в ладони, как к горлу подступает тошнота от одного его запаха – резкого, с нотками меди и старого пергамента.

«К утру, – подумала она. – Он говорит так, будто уже купил меня. Будто я вещь, коробка с сюрпризом, которую можно распаковать и изучить. Будто я не человек, не принцесса, не женщина, а трофей».

Где-то на галерее для простых гостей, среди служанок и младших придворных, она заметила лицо простой девушки. Красивые кудри блеснули в луче света, и Лиане вдруг отчаянно захотелось оказаться там, внизу, в ситцевом платье, смеяться и пить дешёвое вино, не думая о том, что ждёт впереди.

За спиной, на галерее, слышался приглушённый гул. Кто-то обсуждал отсутствие короля, кто-то – длину шлейфа невесты, кто-то – погоду. Эстельцы любили говорить о погоде, потому что их магия зависела от неё. В королевстве Огня даже воздух сегодня был сухим, напряжённым, как струна перед тем, как лопнуть.

Лиана подняла глаза к потолку и задержала дыхание. В центре свода, прямо над её головой, была изображена древняя сцена – та самая, которую она любила рассматривать в детстве. Король Пламени, первый правитель Эстели, сжимает в руке факел и указывает им в небо. Из пламени рождаются звёзды. Из звёзд – судьбы.

«Он указывает в небо, – подумала Лиана. – Но сам никогда не поднимал глаз от земли. Может быть, в этом и была его ошибка?»

Она не знала, почему эти мысли приходят к ней именно сегодня. Может быть, от страха. Может быть, от отчаяния. А может, от того, что вчера, в комнате, оставшись одна, она на несколько мгновений позволила себе представить: а если кто-то придёт и спасёт её?

Если с неба, как в старых легендах, спустится крылатый герой и унесёт её прочь, в неизвестность, где нет Альдрика и нет обязанностей быть принцессой?

Она тогда рассмеялась над собственной глупостью и легла спать. Детские сказки не спасают королевств. И драконов уже не существует, их всех истребили два века назад, в Великую Охоту.

– Принцесса, – шепнула Мира, касаясь её локтя. – Через десять минут начнётся. Священник уже зажигает огонь единства. Смотри.

Лиана повернула голову. У основания алтаря стояли две высокие серебряные свечи, почти в рост человека. Одну зажёл помощник священника, и её пламя лизало воздух ярким золотом. Вторая пока оставалась тёмной.

Огонь единства – древний ритуал Эстели. Две свечи, две судьбы, один язык пламени. Когда священник прочитает молитву, и Лиана с Альдриком произнесут клятвы, пламя сольётся в один большой огонь. Если пламя сольётся легко и ровно – брак будет счастливым. Если свечи погаснут – не быть браку. Если же огонь взметнётся слишком высоко или пойдёт кривыми языками – брак принесёт беды.

Лиана смотрела на первую свечу и чувствовала, как внутри неё поднимается холод. Ей казалось, что пламя издевается над ней, что оно смеётся, осознавая свою власть над её судьбой.

Мира наклонилась ещё ближе, и её голос стал совсем тихим, почти неразличимым в гуле собора:

– Ты помнишь гадание? Бабушка сказала тогда...

– Мира, – перебила Лиана мягко, но твёрдо. – Не сейчас.

Но она помнила. Как могла забыть?

Три года назад. Тёплый вечер на кухне служанок. Запах молотого кофе и горечи. Слепая старуха с морщинистыми руками, похожими на корни старого дерева, которая водила пальцами по чашке, оставшейся от ужина Лианы, и бормотала что-то на древнем наречии. Лунный свет струился в маленькое окошко, и в этом свете лицо бабушки Миры казалось прозрачным, почти бесплотным.

– Вижу, – шептала старуха. – Вижу, принцесса. Твоя чашка полна знаков.

– Гадалки всегда говорят, что видят, – смеялась тогда Лиана. – Иначе какой в них прок?

Старуха не обиделась. Она поднесла чашку к почти незрячим глазам – и её лицо побледнело. Пальцы, держащие фарфор, задрожали.

– Ты не выйдешь замуж за того, кого ждёшь, – сказала старуха голосом, в котором не было ни капли сомнения. – Ты улетишь с чудовищем. У него будут крылья, покрытые пеплом, и глаза, помнящие века. Ты будешь плакать над ним, а потом – называть его по имени, которого никто не знает.

– Какое имя? – спросила Мира, прижимаясь к плечу бабушки.

– Я не вижу имени. Только буквы и золотую нить, которая тянется от сердца принцессы к пасти зверя. Эта нить не разорвётся – её можно только разрезать. Или сплести с другой. Бойся, дитя, не когтей. Бойся момента, когда ты поймёшь, что уже любила его раньше.

Лиана тогда рассмеялась. Она была юна, наивна и верила в то, что судьба – это то, что она выбирает сама. Она верила в свободу, в право выбора, в то, что её отец никогда не выдаст её за нелюбимого.

Три года спустя она стояла перед алтарём, чувствуя, как прошлое касается её плеча холодными пальцами, и понимала, что старуха оказалась права во всём. Кроме одного: она не видела лица чудовища. И не говорила, что оно прилетит сегодня.

Лиана вздрогнула. Мира крепче сжала её локоть.

– Встаньте, – объявил священник высоким, певучим голосом, и его слова гулко разнеслись под сводами собора. – Приветствуйте новую эру! Принцесса Лиана Эстельская соединяет свою судьбу с лордом Альдриком де Восом!

Зал поднялся. Сотни гостей, сотни шёпотов, сотни взглядов. Лиана чувствовала их на себе, как тысячи мелких игл. Она шагнула вперёд, и Мира осторожно понесла её шлейф – три метра серебряной парчи с вышитыми звёздами.

Каждый шаг давался с трудом. Ноги казались ватными, колени подкашивались, но она шла. Прямо, ровно, высоко поднимая голову. Так учил её отец: «Ты – принцесса. Даже если внутри всё рушится, ты должна выглядеть, как скала».

Альдрик ждал её у алтаря с той же пустой улыбкой. Он протянул руку – и Лиане показалось, что это не рука, а когти хищника.

– Иди ко мне, – сказал он.

И в этот момент что-то произошло. Сначала просто мелькнула тень. Чернее ночи, она скользнула по витражам, и яркий свет на мгновение померк, словно само солнце затаило дыхание. Птицы, сидящие на карнизах собора – сотни голубей, которые всегда жили под крышей – взлетели с диким, пронзительным криком. Их крылья заполнили пространство шумом, как внезапный ураган. Свечи на алтаре заколебались, хотя ни одного сквозняка не было, и тени заматались по стенам, превращаясь в чудовищные силуэты.

– Что это? – выдохнул кто-то в первом ряду, и его голос сорвался в панический писк.

Лиана подняла голову к сводчатому потолку, расписанному сценами из легенд о драконах, и замерла.

Потолок – настоящий потолок из камня и свинца, толщиной не меньше метра, выложенный плитами с изображениями побед над чудовищами – разлетелся в пыль. Он не взорвался и не обрушился, а именно разлетелся, как будто кто-то огромный и могучий провёл по нему крылом, разрезая камень, как масло. Брызнули осколки витражей, посыпался град цветного стекла – синего, красного, жёлтого, зелёного – и они падали в солнечных лучах, превращаясь в радугу, в смертельно красивый водопад.

Гости закричали. Кто-то бросился к выходу, сметая стулья и опрокидывая подсвечники. Кто-то, наоборот, упал на колени, прикрывая голову руками, и начал громко молиться всем богам, которых знал. Дети заплакали. Женщины завизжали. Мужчины хватались за мечи.

Лиана не шевелилась. Она стояла прямо в центре зала, и цветные осколки падали вокруг неё, как дождь из драгоценных камней, ни один не коснулся её платья. Она не знала, почему так происходит – может быть, заклинание тепла на ткани создало невидимый щит, может быть, сама её магия, о которой она ещё и не подозревала, встала на защиту. Но осколки огибали её, как вода огибает камень.

И тогда Лиана увидела его.

Он опускался сквозь разорванное небо медленно, величественно, как падение звёзды, которой некуда спешить. Огромный, чёрный как смоль дракон. Он не был похож на дракона из страшных сказок, сжигающего деревни и пожирающего девиц. Этот был... другим.

Его чешуя переливалась не золотом и не сталью, а глубоким фиолетово-гранатовым отливом, как закат, вывернутый наизнанку, как грозовое небо на границе дня и ночи. Каждая чешуйка, размером с ладонь взрослого мужчины, была покрыта тончайшим узором – словно на

ней вырезали крошечные руны, видимые только под определённым углом. На груди дракона, прямо там, где у человека бьётся сердце, зиял шрам – белый, тонкий, похожий на молнию, застывшую во времени. Шрам пересекал грудь от плеча до середины живота, и Лиана поняла: тот, кто нанёс его, целился прямо в сердце, но промахнулся или был остановлен.

Крылья дракона были сложены в полёте, но даже в таком виде они поражали воображение – размах их должен был достигать восьми метров, не меньше. Чёрная кожа крыльев была испещрена мелкими шрамами и серебряными прожилками, которые пульсировали слабым светом. Лиана заметила, что одно из них – правое – чуть короче, словно когда-то было сломано и срослось неправильно. В том месте, где кость срослась криво, кожа была темнее, грубее, и дракон явно бережно оберегал это крыло, чуть прижимая его к телу.

Глаза дракона были человеческими: ярко-зелёными, с золотыми крапинками, как лес весной после дождя, как изумруды, в которые кто-то вплёл солнечные лучи. И в них не было ни ярости, ни голода, ни той звериной дикости, которую она привыкла видеть на иллюстрациях охотничьих трактатов. В них была боль. Бесконечная, тысячелетняя, выжженная боль человека, который слишком долго носит вину. И была мольба. Тихая, отчаянная мольба о том, чтобы его, наконец, услышали.

Дракон мягко приземлился прямо перед алтарём. Его когти, огромные и чёрные, коснулись мрамора с такой осторожностью, что не оставили даже царапины. Он приземлился не как хищник, готовый к броску, а как уставший путник, который наконец добрался до дома. Он склонил голову.

Да, именно склонил, как рыцарь перед королевой. Его огромная морда коснулась пола, и Лиана услышала, как глубоко и тяжело он дышит. От него пахло серой и древними книгами, смолой и пеплом – но не страшным пеплом сожжённых деревьев, а пеплом костров, у которых рассказывают сказки.

Тишина. Абсолютная, звенящая, невозможная тишина опустилась на собор. Даже плачущие дети замолкли. Даже ветер за окном затих. И в этой тишине он заговорил.

Голос дракона оказался низким, вибрирующим, но удивительно человеческим, немного хриплым, как у старого воина, который слишком много видел и слишком долго молчал. Он звучал откуда-то из груди, из самого нутра, и каждая его вибрация отдавалась в мраморе, в колоннах, в сердцах людей.

– Прости, что без спроса.

Лиана моргнула. Она ожидала рёва, ожидала пламени, ожидала, что он сожжёт этот собор дотла, и она умрёт в шёлке и кружевах, как подобает принцессе из страшных сказок. Но он извинялся. Он говорил с ней, как говорят с равным, как говорят с тем, чьё мнение имеет значение.

– Ты... – её голос сорвался. – Ты говоришь?

Дракон наклонил голову чуть сильнее. Кончик его морды почти коснулся её плеча, и она почувствовала тепло, исходящее от его чешуи.

– Да. И очень хочу, чтобы ты меня выслушала, но здесь не место.

– Выслушала? – переспросила Лиана, и в голосе её прорезалась та стальная нотка, которую она унаследовала от отца. – Ты разнёс крышу моего собора, напугал гостей и, я полагаю, сорвал мою свадьбу. И ты хочешь, чтобы я тебя выслушала?

– Сорвал? – Дракон издал звук, похожий на смех. Низкий, горький, человеческий смех, в котором не было ни капли веселья. – Милая девочка, спасти тебя от брака с этим... – он повернул голову к Альдрику, который стоял, вцепившись в рукоять меча, и смотрел на дракона с ненавистью, в которой не было и капли страха, – с этим мясником и лицемером. Это не срыв свадьбы. Это акт милосердия.

– Я не просила меня спасти, – холодно ответила Лиана, хотя внутри всё дрожало. Она не знала, откуда берётся эта смелость – быть может, от шока, быть может, от отчаяния, а быть

может, от того, что она узнала этот голос. Где-то в глубине памяти, в самом тёмном её уголке, голос этот уже звучал. Он звучал шёпотом у фонтана, когда незнакомец в плаще говорил о звёздах так, будто они были живыми.

– Ты не просила, – согласился дракон. – Но если я оставлю тебя здесь, через год ты умрёшь. Не от меча. От яда. От тоски. От того, что в каждом зеркале будешь видеть не себя, а его отражение.

– Откуда ты знаешь? – растерянно спросила Лиана.

– Я знаю многое, – дракон чуть приподнял крыло, и воздух наполнился запахом грозы и древних книг, пергамента и пыли веков. – Например, я знаю, что ты боишься темноты, но каждую ночь смотришь на звёзды с балкона. Я знаю, что ты плакала в день, когда умерла твоя мать, но никому не показала слёз, потому что считала, что будущая королева не имеет права на слабость. Я знаю, что ты читаешь стихи вслух, когда никто не слышит, и что твоя любимая строка из книги «Пламя и Тень» – «тот, кто не сгорел, не узнает света». Я знаю...

Он замолчал.

– Что? – спросила Лиана шёпотом, чувствуя, как сердце колотится в груди с такой силой, что, кажется, его слышно во всём соборе.

– Я знаю, что сегодня утром, когда ты смотрела в зеркало и примеряла диадему, ты подумала: «Лучше бы я умерла, чем вышла за него».

Лиана вздрогнула так сильно, что жемчужные серьги качнулись, ударившись о шею. Это была правда. Чистая, горькая, безумная правда, которую она не сказала никому – даже Мире, даже самой себе. Она подумала об этом ровно секунду, между вдохом и выдохом, и тут же выбросила из головы. Но дракон знал.

– Откуда ты... – начала она, но он перебил.

– Я не читаю мысли, если ты этого боишься. Я просто вижу людей слишком хорошо. Ты – принцесса, чьё сердце приковано к трону цепями, которые ты сама не замечаешь. И я пришёл не для того, чтобы навредить тебе. Я пришёл, чтобы спросить: хочешь ли ты свободы?

– Я тебя не боюсь, – сказала она, и это было странно. Дракон должен быть страшным. Дракон должен быть врагом. Но она смотрела в его зелёные глаза и видела там только печаль. Бесконечную, тысячелетнюю печаль человека, который слишком долго носит вину или тайну. И в этой печали не было места злу.

– И это прекрасно, – ответил дракон, и голос его дрогнул. – Потому что мне нужен ни труп, ни невеста. Мне нужен судья.

– Судья? – Лиана растерялась. – Я? Какой суд?

– Суд надо мной, – дракон опустил морду на мраморный пол, касаясь его почти с благоговением, как просят о пощаде. – Ты – единственная, кто может произнести моё имя и вынести приговор. Смерть или жизнь. Освобождение или вечное проклятие. Только ты.

В этот момент Альдрик наконец пришёл в себя. Его лицо перекосилось от ярости – той самой, которую он так долго прятал за вежливой улыбкой.

– Стража! – заревел он, выхватывая меч из ножен с таким звоном, что он разнёсся по всему собору. – Убить эту тварь! Она заколдовала принцессу!

Десятки солдат, всё это время стоявших оцепеневшими, словно их парализовала магия, бросились к алтарю. Их доспехи сверкали в огне свечей, копья были направлены прямо в грудь дракона, и Лиана видела, как побледнело лицо Миры, стоящей в первом ряду, как она прижала руки к губам, чтобы не закричать. На глазах служанки блеснули слёзы – крупные, прозрачные слёзы отчаяния.

Но дракон не сдвинулся с места. Он даже не поднял головы. Он просто взглянул на солдат – и они остановились. Не от страха, нет. Они замерли, как статуи, с поднятыми копьями, с открытыми ртами, с глазами, полными изумления. Каждый из них чувствовал, что не может нанести удар, что его рука не слушается, что тело парализовано магией.

– Я не убиваю людей, – сказал дракон мягко, но так, чтобы его голос услышали все. – Никогда. Даже тех, кто хочет убить меня. У меня на это одна причина – если я убью человека, я перестану быть собой. Я потеряю последнюю нить, связывающую меня с тем, кем я был. Без этой нити я – просто зверь. А я не хочу быть зверем.

– Тогда тебе конец, – прорычал Альдрик, занося меч над головой. Его клинок сверкнул в луче света, и Лиана увидела на нём письмена – чёрные, древние, напоминающие те, что были на чешуе дракона. – Принцесса, отойди. Я принесу тебе в подарок голову этого монстра.

Лиана смотрела на Альдрика. На его перекошенное лицо, на брызги слюны, на то, как его рука сжимает эфес меча, как у палача перед казнью. Она смотрела на него и не видела мужа. Она видела тюрьму. Золотую, красивую, парадную клетку, в которой она должна была провести остаток жизни – без права голоса, без права выбора, без права на счастье. И в этот момент, возможно, впервые в жизни она сделала выбор сама.

– Нет, – сказала она, и голос её разнёсся по собору ясно и звонко, как удар колокола.

Альдрик застыл с поднятым мечом:

– Что?

– Я сказала «нет», – Лиана развернулась к дракону. Она подошла к его голове, положила руку на его нос – чешуя была тёплой, гладкой, странно живой, как кожа человека, и под пальцами она чувствовала биение его огромного сердца. Оно было такое глубокое, медленное, как бой часов, отсчитывающих века. – Ты не причинишь мне боли?

– Никогда, – прошептал он так искренне, что Лиана поверила ему сразу и безоговорочно.

– Тогда забирай меня, – сказала Лиана. – Я согласна быть твоим судьёй.

Она почувствовала, как когти осторожно, бережно, сомкнулись вокруг её талии. Дракон развернулся, расправил свои чёрные крылья – и они взметнулись в воздух с такой силой, что пламя свечей погасло, и собор погрузился на мгновение в полную темноту.

А затем – свет.

Они вылетели сквозь разрушенный потолок в небо, в бесконечную голубизну, и Лиана зажмурилась от ветра и солнца. Внизу остались крики Альдрика, плач Миры, звоны мечей, топот солдат, разрушенный витраж с Фениксом, который, как ни странно, улыбался – потому что стекло треснуло ровно по его клюву, и он теперь выглядел так, будто смеётся.

Лиана летела над облаками. Она сжимала чешую дракона, чувствовала ветер, слышала биение его огромного сердца – медленного, тяжёлого, как бой часов. Ветер трепал её волосы, развеивал фату, и Лиана чувствовала, как с каждым взмахом крыльев с неё спадает тяжесть – тяжесть диадемы, тяжесть платья, тяжесть обязательств.

Она была свободна.

– Почему я? – спросила она, перекрикивая ветер, и голос её тонул в шуме крыльев, но дракон услышал.

– Потому что ты – единственная, кто не закричал, – ответил дракон, и его голос дрожал, как струна, по которой ударили впервые за сотню лет. – Ты улыбнулась Фениксу, когда он рухнул. Ты не испугалась разбитого стекла. Ты – Лиана. Ты – та, кто смотрит в лицо огню и видит в нём не смерть, а свет. И ещё – потому что я помню тебя. У фонтана ты дала мне свой платок с вышитой лилией.

Она хотела спросить ещё что-то, но не смогла. Ветер унёс её слова, облака закрыли землю, и мир перевернулся.

А внизу, на мраморном полу разрушенного собора, среди битого стекла и криков суматохи, остался лежать белый платок Лианы с вышитой лилией. Альдрик подошёл, поднял его, сжал в кулаке, и на его губах зазмеилась улыбка – холодная, как лёд Нордланда (северного королевства).

– Ты думаешь, что сбежала, – прошептал он платку, и голос его был тихим, как шипение змеи. – Но я найду тебя. Я найду твоего дракона. И когда я произнесу его имя – а я знаю его, я знаю его лучше, чем ты думаешь, – пепел будет моим. И ты вернёшься ко мне на коленях.

Он не заметил, как Мира, всхлипывая, вынула из кармана маленькую чашку с засохшим кофе – ту самую, по которой бабушка гадала три года назад. Служанка перевернула чашку, взглянула на гущу, оставшуюся на дне, и её лицо побелело как полотно.

– Бабушка, – прошептала она, – ты была права. Крыло унесло её...

Мира зажмурилась и убрала чашку обратно в карман. Ей было страшно. Но ещё страшнее было осознание, что бабушка, умирая, сказала ей: «Ты, внучка, тоже в этом гадании есть. Ты – та, кто поведёт принцессу к её судьбе. Или от неё».

Где-то над облаками Лиана впервые за много лет счастливо и искренне улыбнулась – не для придворных, не для отца, не для Альдрика. Просто так, для ветра и для дракона, который нёс её в неизвестность.

– У тебя есть имя? – спросила она, прижимаясь щекой к тёплой чешуе.

– Было, – ответил дракон, и голос его дрогнул. – Очень давно.

– Назову тебя Деймос, – сказала Лиана. – Это древнее имя означает «тот, кто не сдаётся». Мне кажется, оно тебе подходит.

Дракон не ответил. Но его крылья дрогнули чуть сильнее, чуть увереннее, и Лиана поняла – он благодарен. Она не видела его лица, но чувствовала, как под чешуёй сердце бьётся быстрее.

Они летели на восток, туда, где небо смыкалось с горами, где тени были длинными, и где на вершине Когтя Заката – самой высокой горы, куда не ступала нога человека, – ждало гнездо, полное древних книг, забытых тайн и пепла.